

Григорий
БАКЛАНОВШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
ПАВЛА НИЛИНА

ПРОШЛО много времени с тех пор, когда Павел Филиппович Нилин читал мне главы своей только что законченной, еще не напечатанной повести, а я и сейчас помню то впечатление. Называлась повесть «Жестокость», ей суждено было стать знаменитой.

Но то, что суждено, — это впереди, в неизвестности. А момент, когда книга закончена, — ни тем, ни другим еще не прочтена, — страшный момент. Даже опытные мастера тут теряют уверенность. И хотя, разумеется, есть свое суждение, которым на всем протяжении работы руководился, которое вело, — сейчас и оно забыто. Самого незначительного мнения достаточно, чтобы увидеть книгу не своими глазами, и все, что особенно радовало, чем гордился, вдруг показалось бы ложно, бедно и плохо. Только люди самовлюбленные, графоманы не знают этого, они всегда от самих себя в восторге.

Нилину, известному в ту пору мастеру, не было оснований робеть меня. Еще недавно на совещании молодых писателей я был в его семинаре, от моего мнения равным, счетом, ничего не зависело, и не считал он его абсолютным, но я был одним из первых слушателей, может быть, даже первым, живой человек сидел перед ним, и он волновался. Я видел, как иной раз оторвется от страницы, схватит впечатление — и дальше читает.

Было это в Переделкине, летом. И хотя датой окончания повести значится октябрь, был июль или самое начало августа. Я как раз в тот день уезжал в командировку в целинный Адамовский район Оренбургской области, где шла уборка хлебов несметного в том году урожая: по сорок пять, даже по пятьдесят центнеров убирали с гектара, а у дорог, где никто не севал, а раскормили осенью, когда возили зерно на элеватор, тоже стояли густые хлеба.

Так вот, я уезжал в тот день, но еще нужно было до поезда попасть к семье, тоже за город, на другую дорогу, времени было в обрез, а я сидел, совершенно покоренный искренностью, чистотой этой книги, и все отмеривал про себя: еще главу послушаю, ну, еще одну...

Боюсь, что, вырванное из текста, не прозвучит здесь письмо Венки Малышева, которое он писал в душную ночь перед грозой и которое стало его последним письмом, потому что сокровенные слова говорят в сокровенную минуту и только так они звучат, но я окончательно разволновался, когда Нилин дочитал эту главу.

Ничего толком сказать я не успел: надо было спешить на электричку. Вышел на улицу, и, помню, поразило, что мир все такой же, что ничего не изменилось. И по дороге к станции, и в электричке думал я не о книге, а о тех людях, к кому в жизни был несправедлив, вспоминались давние случаи, когда я мог, как мне казалось, гордиться своей правотой, а вот сейчас по другому, более глубокому счету видел, что был не прав и, наверное, жесток. Многое передумал я за ту дорогу. Вот уже не помню, написал ли я тогда Павлу Филипповичу письмо, но хотелось написать: в письме проще сказать все.

Когда повесть была напечатана, о ней много говорили, книга эта была нарасхват, и у меня она недолго продержалась: кто-то утащил. Есть свидетельство, что Горький радовался, когда у него воровали книги: за книги эти радовался. Нет, мне это не доставило радости. Она была и осталась одной из любимых моих книг. Все в ней безыскусственно, все рассказано просто, удивительно просто и глубоко. А ведь это — о самом главном: о том, как жить.

Писатель, которого интересуют не люди, а события, развернул бы тут нечто многосерийное, с погонями, со стрельбой. Такие богатые возможности, подумай только: тайга, уголовный розыск, банды, любовница атамана... Из вечера в вечер будут смотреть, а днем на работе только об этом и разговаривать. Но все не главное, все внешнее осталось за рамками этой мудрой книги.

В самом деле, что хорошего, если люди, вместо того чтобы жить и заниматься делом, вынуждены с оружием в руках охотиться друг за другом? «Народ хлебопашествует, смолочурничает, работает. А мы с тобой, Константин Иванович, вроде игру придумали со стрельбой, — скажет Лазарь Баукин в конце своего пути. — Народ от дела

Павел Филиппович НИЛИН.

САМОЕ
ГЛАВНОЕ

отбиваем. Губим народ. А для чего? Для какой цели жизни?»

Что хорошего, если смелый пятнадцатилетний парнишка погибает бандитом, не узнав, не поняв даже, для чего ему дана жизнь? Бандиты сделали из него бандита, «...а мы бы сделали из него хорошего парня, — говорит убежденно Венка Малышев. — Просто мирового парня сделали бы».

Эта книга, такая современная, написанная современным, почти разговорным языком, — вся в русле классической русской литературы.

Думаю, из многих ролей, сыгранных за долгую актерскую жизнь Николаем Крючковым, одна из лучших — роль начальника уголовного розыжка в фильме, который был поставлен по этой повести. И роль Лазаря Баукина — тоже одна из самых ярких актерских работ Бориса Андреева. А Георгий Юматов с тех пор для меня — это прежде всего Венка Малышев. Да, они — прекрасные артисты. Но им было что играть, что пережить. Характеры эти написаны так сильно, так жизненно, будто сами из жизни пришли.

Помню, как-то среди зимы, вернувшись со съемок фильма, Павел Филиппович Нилин рассказывал в своей обычной шутилой манере о событиях дня. Но мысленно все возвращался к лошадям, которых привели на съемку. Лошади были в разную цену, и по финансовым соображениям на самый опасный трюк, в котором она и погибла, назначили ту, за которую дешевле заплачено.

— Она ведь не знала, сколько она стоит, откуда ей знать, что она дешевле других...

По хорошим книгам редко получают хорошие фильмы. Но покойному ныне Владимиру Скубину многое в этом фильме удалось. И все-таки «Жестокость» такая книга, что, мне кажется, следовало бы еще раз, теперь уже — телевидению, прочесть ее с той пристальностью, на которую способен телефильм.

Целая литература возникла с тех пор, отодвинув то, что казалось литературой. Но «Жестокость» Нилина не утратила ни яркости своей, ни свежести, ни силы. И даже злободневности своей не утратила. В непрерывном процессе, каким и является литература, книги нередко прокладывают дорогу и другим книгам, и писателям, и бывает так, что появление книги становится

не только фактом литературы, но и фактом самой жизни. Такой книгой стала «Жестокость».

И еще одну свою вещь читал мне Павел Филиппович Нилин в рукописи. Это был рассказ, называвшийся «Из африканского дневника». После сердечного приступа — опасались даже инфаркта — Нилин лежал в больнице. Вечером я приехал проводить его. Шаркали по коридору туфли больных, свет горел неярко, блестя окрашенные масляной краской стены маленькой палаты на одного человека. За окном — темнота и свежее выпавший снег на земле. Сидя у окна на жесткой кровати, Нилин читал увлеченно, а на столе лежала рукопись другого рассказа, над которым он работал.

В сорок шестом году, когда вторая серия фильма «Большая жизнь», поставленного по сценарию Нилина, подверглась, как сказано в литературной энциклопедии, «резкой и во многом необоснованной критике», Николай Федорович Погодин, прочтя статью, пришел к Нилину, хотел, наверное, поощрить, поддержать, что ли, морально. «Павел Филиппович работает», — сказали ему. «Чего он там сейчас может писать? Чего он там работает?» — не поверил Погодин. Вошел. Действительно, сидит Нилин, как обычно; за своим письменным столом, работает.

Прошли годы, и вот об одной из пьес Погодина появилась в газете далеко не хвалебная статья. Теперь уже Нилин пришел проводить Погодина. Сказали: «Николай Федорович работает». «Чего он там работает? Чего он там сейчас может работать?» — его же словами, спросил Нилин. Вошел. Действительно, сидит Погодин за своим письменным столом, работает, как обычно. Посмеялся оба: «А что же нам еще делать? При всех обстоятельствах писатель должен работать».

Не раз эту историю я слышал от Нилина. Блестящий устный рассказчик, он не только рассказывал, он показывал в лицах.

Многие книги Нилина вскоре становились фильмами. И по повести «Испытательный срок» написанной менее чем за год до «Жестокости», — повесть эта имела большого читателя, — вскоре был поставлен одноименный фильм. Увидела экран и повесть «Через кладбище», написанная о белорусских партизанах. В его прозе, где даже о самом серьез-

ном рассказывается иногда на грани шутки, есть свой глубокий драматизм.

Фильм «Единственная», поставленный Иосифом Хейфицем по рассказу Нилина «Дурь», смотрели более тридцати миллионов человек. И до сих пор на студию приходят письма: значит, где-то еще был сеанс, показывали, и вот еще кого-то взволновала эта история. А история проста, жизненная и рассказана просто. Она рассказана человеком, который и сам не знает до сих пор: что же это было с ним и что с ним сейчас?

Умные, серьезные люди, прожившие жизнь и много в этой жизни испытывавшие, говорят уверенно: «Дурью мучаешься!» Вот так выслушал его однажды уважаемый человек, Татаринцев некто. «...внимательно слушал. Потом говорит:

— Значит, в армии ты был, а на войне не был? По возрасту, значит, не успел? На снегу, значит, под пулями не лежал? В весеннюю распутицу по грязи не ползал? И бомбежке тоже не подвергался? Нет? Сухари, значит, в снеговых лужах после пожара не размачивал? Нет? Ага, ну ладно. Живешь-то где — в подвале, в сырости? Ах нет. В отдельной, значит, квартире? Уборная-то где — на улице? Ах, тоже в квартире?

К чему это, думаю, он гнет? При чем тут уборная? А он все спрашивает, какая жена, чем занимается, хороша ли собой.

Потом говорит:

— Ну, все понятно. Ты дурью мучаешься, Касаткин, с жиру, так сказать, бесишься. Выбрось все это из головы напрочь и займись делом. А то смотри, Касаткин, как бы худо не было. Иди...

Вот так он закрутил нашу беседу. И, может, правильно закрутил. Может, в самом деле все это дурь, что случилось со мной?..

Но непонятно все-таки, почему меня все сильнее, прямо неудержимо тянет на пристань, где с приступком в застекленную стену мне хорошо видно, как Танюшка, уже не очень молодая и теперь отчего-то совсем некрасивая, будто нехотя разносит по столам еду и выпивку.

Я смотрю на нее и жду, долго жду, чтобы она оглянулась на меня. Но она не оглядывается.

А зайти в кафе, даже пьяному, мне не позволяет вроде того что самолюбие.

Однако все равно и все чаще меня тянет сюда.

И даже не сюда, а куда-то назад, в прошлое, в эту мою прошлую вроде того что несчастную и, кто знает, может быть, очень счастливую жизнь».

Щемящей этой нотой, этим восторгом, обращенным к себе, к нам, по сути, заканчивается рассказ, так и названный — «Дурь». Может, и в самом деле — дурь, если так считают — и говорят жившие на свете люди? А может быть, и они не знают, что это было счастье, не выпадавшее на их долю? Горькое счастье, которое и сам он вблизи не узнал.

И еще один рассказ Нилина — «Впервые замужем», — и тоже поставленный И. Хейфицем, с успехом идет сейчас на экранах страны. А в Театре на Малой Бронной в Москве идет моноспектакль, поставленный по этому же рассказу. Они очень различные, спектакль и фильм, хотя один и тот же рассказ — в основе. Но в настоящей книге, как и в жизни, каждый находит свое. И даже если она про кого-то написана, она обязательно и про меня.

И пока идет фильм на экранах, а спектакль — на сцене, Павел Филиппович Нилин пишет новую вещь, работает. Кто знает, может быть, это новая «Жестокость», одна из моих любимых книг.